

ЗИНАИДА ГИППИУС

РАЗОЧАРОВАНИЯ И
ПРЕДЧУВСТВИЯ

Зинаида Гиппиус

Разочарования и предчувствия

«Public Domain»

1910

Гиппиус З. Н.

Разочарования и предчувствия / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1910

«Давно, в каких-то заметках о русской литературе, я говорил, что у нас, собственно, литературы нет и не было, а были только литераторы. Это верно, хотя и не совсем. С первого взгляда, действительно, кажется, что „литературы“ в западном смысле, то есть определенного, связного, культурного течения, в России не было. Вырастали отдельные личности; и кто расцветал вопреки окружающей среде – должен был иметь силы громадные. Достоевский умел сделаться Достоевским, но надо было, чтоб он умел еще выдержать каторгу. Сколько бы мы ни забирались „в глубь истории“ литературы – мы не найдем ни одного мало-мальски видного писателя (ни одного!), которому не приходилось бы тратить силы на борьбу вот с этими „каторжными“ обстоятельствами. Эмпирика, конечно; но ведь чего-нибудь же она стоит, особенно если это „помимо всего прочего“...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Зинаида Гиппиус

Разочарования и предчувствия

Давно, в каких-то заметках о русской литературе, я говорил, что у нас, собственно, литературы нет и не было, а были только литераторы. Это верно, хотя и не совсем. С первого взгляда, действительно, кажется, что «литературы» в западном смысле, то есть определенного, связного, культурного течения, в России не было. Вырастали отдельные личности; и кто расцветал вопреки окружающей среде – должен был иметь силы громадные. Достоевский умел сделаться Достоевским, но надо было, чтоб он умел еще выдержать каторгу. Сколько бы мы ни забирались «в глубь истории» литературы – мы не найдем ни одного мало-мальски видного писателя (ни одного!), которому не приходилось бы тратить силы на борьбу вот с этими «каторжными» обстоятельствами. Эмпирика, конечно; но ведь чего-нибудь же она стоит, особенно если это «помимо всего прочего»...

О писателях менее видных я и не говорю; они падали, как трава под косой, не успевая и подумать о расцвете. Между тем без них, без хорошей середины, нет и «литературы» в настоящем ее смысле. Пирамиды, рассеянные в пустыне, – не город, как бы ни были пирамиды высоки.

Но хорошая середина у нас все-таки имела, – из уцелевших. Только уцелели они при условии полного смирения, полной невидности. Вот с первого-то взгляда и кажется, что их совсем нет, что нет и не было общего, совокупного, движения, – не было «литературы». Нужно взглянуть, нужно заглянуть под серые доски подполья, чтобы увидеть невидное, – нашу хотя бы волю к созданию литературы, нашу надежду, что она явится, – такая же, как «у всех».

После знаменитого года, когда была объявлена, между прочим, «свобода» и литературе, объявлено, что не возбраняется отныне собираться, общаться и желать культурности, многие вообразили, что у нас началась заправская «литература». Вид был, действительно, такой, будто она и впрямь началась. Конечно, только вид. Не могла она сразу, по объявлению, взять да и начаться. Даже если б объявления оказались подлинными, даже если б действительно позволили «общаться, собираться и глядеть в сторону культуры», то ведь это лишь позволение направить волю к созданию, до создания еще далеко. Еще предстояла бы долгая работа.

А теперь и она не совершается. Приоткрыли ящик, выпустили было хаос и, не дожидаясь, что из него образуется, – назад. Он лезет струйками из-под неплотной крышки, растворяется в воздухе и только его портит.

В общих же чертах все осталось по-прежнему, все, как и в древние годы. Только вместо настоящих богов – идолы, которых во мгновение возносят и в следующее свергают, да вместо невидности старых средних работников – кишенье литературщины, невежественной и самозванческой.

Не бывает времени, когда бы не было талантливых людей. Талантливые люди пишут хорошие вещи, так что и хорошие вещи всегда есть. Но в смысле какого-нибудь перелома, или хоть перегиба, или уклона нового – последний год не дал нам ничего, почти ничего. Оглядываясь назад, я не могу вспомнить, чем год начался, когда начался. Точно все еще длится прошлый, даже позапрошлый. Перелились они в этот едва заметно. При внимании видишь, что кое-какие перемены есть, но медленные, тихие, особенно по сравнению с годами более дальними. Хулиганство, например, осело, – но только самое уличное, крикливое. Думаю, впрочем, что оно вогнуто внутрь. А внутри эта болезнь еще опаснее.

Минувший год – не год исполнений и даже не год надежд, а, вернее всего, предчувствий. Есть в нем, – очень смутные, – предчувствия новых каких-то слов, или нового их сочетания, и новых пониманий... Но об этом после. Предчувствие близких разочарований ярче. Уже готовы дрова для печки, где будут «жечь то, чему поклонялись».

Помню, давно-давно, был вечерний пир в редакции одного начинавшегося толстого журнала. Этот пир внезапно превратился в овацию Алексею Максимовичу Пешкову. Молчаливый застенчивый писатель, в серенькой блузе, скромно ютился где-то на конце стола, ничего не ожидая. И вдруг! Речь за речью – о нем. Пили за его здоровье, приветствовали «восходящее светило». Непривычный человек растерялся. Закружилась голова от первых похвал и от многочисленных тостов; сбегая с пятого этажа вслед за уходившими гостями, он все твердил: «Да, да! Конечно, я талантлив... Но все-таки... нельзя же уж так...»

Впоследствии ему пришлось испытать гораздо большее, но голова не кружилась, и забыл он вот эти свои верные точные слова, которых не следовало бы забывать ни ему, ни другим: «Конечно, талантлив... Но нельзя же так». Его сделали идиолом; неудивительно, что свергли: главное свойство идолов быть непременно поверженными. В отличие от бога – поверженный идол уже не идол, а просто ничто, или хуже, чем ничто.

Печальна судьба Горького, и он ее недостоин. Он совсем не «ничто», он каким был, таким и остался. Если последние, сегодняшние, его произведения – «Городок Окуров»¹, «Чудаки» и др. все-таки хуже первых – не он виноват. Виноваты те, кто, вместо тихого признания таланта, сделали Горького идиолом и заставили его поверить в свое идольство. Талант истерся от непрерывного напряжения удержаться на идольском месте, непрерывного – и напрасного.

Я вспоминаю это все для того, чтобы подойти к другому, новейшему, идолу – к Л. Андрееву. Он еще стоит, хотя сильно пошатывается. Уже зареяли над ним первые воронята – анонимные репортеры мелкой прессы. Так всегда бывает: кто больше хамит – тот первый спешит плюнуть в лицо, когда уже не страшно. Я убежден, что и у Л. Андреева был когда-нибудь светлый момент, и он мог произнести – наивные и верные слова: «Конечно, я талантлив... Но нельзя же так...» Но светлый момент, на общее горе, исчез бесследно; обеспамятел писатель, и, конечно, уж не прийти ему в себя, так же как и Горькому.

Сравнивая эти два средние таланта, этих двух писателей, таких близких между собою не по одной судьбе, а по ясной преемственной связи, я все-таки должен признать, что Горький талантливее, вернее, и, главное, умнее Л. Андреева. Разница в росте не очень большая, но она есть. И Горький, – что важно, – гармоничнее Андреева. Его мысли, его желание, его тема – в большем соответствии с его силами; Леонид же Андреев только и делает за все годы успеха, что покушается на избранную им тему с негодными средствами.

Содержание Горького очень определено: человекоборение. Человек встает на человека, за человека, во имя человека, ради человека... и т. д., как угодно, но все в одном круге. Этот круг, в меру среднего таланта, Горьким использован – и Горький поныне ему верен. Пытался он как-то подделаться под новую терминологию, объявил в «Исповеди», что человечество, народушко, – Бог, но из этого ничего не вышло.

Л. Андрееву возиться с «голым человеком» показалось мало. Он поприслушался к Горькому и, взяв у него «человека», решил, что особенно «гордо» быть человеком, который борется... со стихией, с мирозданием, с Космосом, с хаосом, – с Богом. Надо, во-первых, приделать человеку большое «Ч», а во-вторых, поставить его лицом к этому самому Космосу (тоже с большой буквы) – и пусть спрашивает. «Да Ты... Да Я... А Ты что? А коли так, Я»... и проч.

---

¹ Только что г. «критик» «Современного мира» (№ 10), решая вопрос «Быть или не быть русскому символизму?» – порешил самого себя в трех словах. «Горький, – припечатывает он, – создал произведение величайшей важности, – произведение, которое в русской литературе займет место рядом с „Мертвыми душами“ Гоголя» (sic! – [так! – лат.]) Из человеколюбия я не оглашаю имени автора этих строк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.